

Сорок седьмая неделя, суббота.

Этот день находился под покровительством Инеевого Звоноврана — божества, символизирующего смерть, а значит и завершение. Поэтому суббота, наряду с воскресеньем — днём, когда не трудятся даже Шесть Столпов, — считалась концом очередного цикла учёбы и работы, общим выходным.

Однако тех, кто действительно мог позволить себе отдых в эти дни, было немного. Большинство людей не имело двойного выходного вовсе. Например, владельцы и продавцы магазинов на торговых улицах, врачи и медсёстры в больницах — или же инквизиторы, служащие Инквизиции.

Одни трудились по семь дней в неделю, другие — по скользящему графику, третьи — тогда, когда решали «работать» культисты.

Аллет Вульпис нередко ловил себя на мысли: зачем, при всём богатстве семьи и личных средствах, достаточных для безбедной жизни, он выбрал такую несчастную профессию, как инквизитор?

Даже если бы он хотел быть ритуалистом, то мог бы спокойно устроиться в городскую администрацию — там безопасно, стабильно, и платят прилично.

Ах да, он попал в центральное отделение Инквизиции потому, что его дальний дядя занимал там должность директора. Семья решила, что раз Аллет сумел сдать экзамен и получить квалификацию ритуалиста, то как раз подойдёт, чтобы унаследовать место бездетного родственника.

Что б его, если бы он знал заранее, ни за что бы так не старался учиться.

К тому же родство было очень дальним: дядя принадлежал к лисолюдам Азари, а их семья — к вульпийским лисолюдам. Такое «родство» являлось скорее фикцией, чем реальной связью.

Аллет ничего не мог с этим поделать. После того как он вместе с родителями сходил в гости и преподнёс дальнему дяде подарок, его попросту отправили сдавать вступительный экзамен в Инквизицию.

Похоже, подарок подействовал — он не попал в нижние отделения, как большинство новичков, а сразу в центральное.

Дальний дядя был человеком мягким и приветливым, но стоило Аллету впервые назвать его «дядей», как взгляды коллег тут же изменились. За исключением утомительных и опасных выездных заданий, жизнь и работа в центральном отделении шли у Аллета довольно спокойно.

А потом появился новичок по имени Линь.

Сирота без фамилии.

Аллет и Линь поступили в одном наборе, но Аллет был выпускником Шпиневильского университета, а не школы инквизиторов, так что на общих встречах он того не видел — и сперва смотрел на него свысока.

Но когда услышал, как Линь спокойно спросил «есть ли выездные задания, на которые можно записаться сверхурочно?», Аллет едва не выпал в осадок.

«Сумасшедший! Кто вообще любит выезды?!»

И при этом его дальний дядя, обычно сдержанный, светился от радости, разговаривая с новичком.

Настоящий племянник Аллет, хоть и дальний, стоял рядом в полном недоумении:

— ?

Позже он узнал, что новичок — гений. Но знание этого несколько не смягчило раздражения.

Гениальный новичок не стремился к популярности и не заботился о людях вокруг, но стоило ему открыть рот — и он становился центром внимания. Коллеги, с которыми Аллет общался вполне дружелюбно, в его присутствии улыбались Линю куда реже, но при разговоре с ним — менялись, говорили иначе, искреннее.

Аллет, привыкший с детства быть окружённым «дружелюбными» людьми, невольно почувствовал... зависть.

И от этого стало только ещё противнее.

Стоило речи заходить о Лине, он действовал бездумно.

«Ну и что? У меня есть покровитель — неужели, чтобы проучить какого-то новичка, мне нужно напрягаться?» — считал он.

Иногда Аллет задумывался: если бы он изменил отношение, всё могло бы сложиться иначе. Но стоило встретить Линя снова — все добрые намерения испарялись.

А потом его «доброжелательный» дальний дядя предал Инквизицию, был пойман и осуждён —

позор на весь род. Семья Вульпис в страхе отрещивалась от бывшего родственника, некогда считавшегося их гордостью.

И сам Аллет... Да, он тоже. Но сейчас важнее было другое — сегодня в должность вступал новый директор ритуального подразделения.

И этот новый директор являлся личным наставником гениального новичка.

Теперь их с Линем положение поменялось местами.

Офис ритуального подразделения, не раз очищенный после скандала и обставленный новой мебелью, обрёл хозяйку: стройная котолюдка в синем костюме, тщательно покрашенная — по виду не скажешь, сколько ей лет. Сидя в кожаном кресле за новым столом, она смотрела на тех, кому пришлось выйти на работу в субботу.

— Хм, — сказала она. — Значит, ты и есть Аллет Вульпис?

«Разве в ритуальном подразделении центрального отделения существует ещё один Вульпис?»
— Аллет ощутил скрытую издёвку, но, стараясь держать лицо, ответил:

— Да, директор, я Аллет Вульпис.

Яркитога Драконли опустила взгляд, что-то быстро набирая на терминале, и сказала:

— Расскажи, чем ты сейчас занимаешься.

— ...

Аллету и ответить было нечего.

Он ничем не занимался.

После того как его дальний дядя, бывший директор Листчес Азари, был признан изменником, Аллету перестали выдавать задания. Даже из графика дежурств в ритуальных залах его имя убрали.

Повисла тишина. Яркитога поправила очки и сказала:

— Неважно, в каком ты положении. Раз Инквизиция тебя не уволила, а ты сам не собираешься уходить, значит, думай о работе. Если нет заданий, изучай материалы. И да, твоя вступительная работа — сплошная вода, ни капли сути. Хочешь продвижения — напиши что-то

стоящее, достойное твоего имени. Понял?

Аллет неловко кивнул. Директор жестом велела ему выйти и позвала следующего, более опытного ритуалиста.

Чувствуя себя мишенью издевательств, Аллет неуверенно поплёлся к выходу. Но не успел сделать и пары шагов, как под ногами дрогнул пол.

«Землетрясение?.. Но ведь церковь Золотого Молота не присылала уведомления!»

Землетрясение для подземного города — страшная катастрофа: даже частичное обрушение этажей оборачивается сотнями жертв. А Шпиневиль, стоящий у магмовой реки, всегда был сейсмоопасным районом.

С детства его учили, что делать при толчках. И с детства же Аллет до ужаса боялся землетрясений.

Он бросился к углу и уже собирался, обхватив голову, свернуться клубком, как чья-то рука резко дёрнула его вверх.

— Это не землетрясение, тупица! — рявкнула Яркитога, заставляя ошарашенного Аллета встать ровно. — Смотри по сторонам!

Новая директор уже успела возвести вокруг себя отклоняющее силовое поле. Перепуганный Аллет, оказавшись внутри защитного купола, наконец смог отдышаться и оглядеться.

Пол действительно дрожал — но вместе с тем по нему ползла какая-то зловещая зелень.

Лозы. Злые лозы, каким-то образом прорвавшиеся в это герметичное помещение. Сначала они, словно стая змей, извивались вдоль стен, затем растения будто «заметили» людей — и, переплетаясь, свернулись в шар, катящийся прямо на них.

Аллета прошиб озноб. У растений ведь нет глаз, но он отчётливо ощущал, как что-то в этом комке зелени их рассматривает. Иначе зачем бы бутон развернулся именно в их сторону?

В следующее же мгновение бледно-жёлтый бутон раскрылся, и воздух заполнил едкий, странный запах.

Поле отклонения хорошо защищало от физических атак, но не могло остановить газ. Яркитога рванулась к рабочему столу и дёрнула верхний ящик.

— Когда я ещё работала в филиале, помню, аварийное снаряжение хранили вот здесь... К счастью, ничего не поменяли, — пробормотала она, надевая противогаз. Повернувшись, она с досадой увидела, что молодой вальпийский лисолюд просто стоит столбом, уставившись на шар лоз.

Яркитога:

— ...

«Линь говорил, что этот парень глуповат, но чтоб настолько?!»

Сжав зубы, Яркитога метнула ему второй противогаз — шлем угодил прямо в грудь и отрезвил парня. Одновременно она схватила чемодан с материалами для ритуалов и чернилами и с силой швырнула им в лозы.

В другой руке она раздавила пробирку — струйка священного спирта, смешанная с кровью из рассечённой ладони, исчезла, соприкоснувшись с поверхностью чемодана. На нём вспыхнул начертанный заранее магический знак.

В тот же миг, когда чемодан ударил по лозам, они вспыхнули.

Зелёное существо, словно ощущая боль, отпрянуло, извиваясь и катаясь по полу — будто животное, пытающееся сбить с себя пламя.

— Чего стоишь?! — выкрикнула Яркитога сквозь фильтры противогаза. — Веди меня в зал большого запечатывающего ритуала!

— Большого... чего? — глухо пробормотал Аллет из-под маски.

— Если враг внезапно пробился внутрь центрального отделения, наша первейшая обязанность — активировать большой запечатывающий ритуал! — отчеканила Яркитога. — Отделяем Инквизицию от города, чтобы враг не прорвался вниз. Неужели ты даже этот базовый пункт не выучил? Кто был твоим преподавателем?!

Недавний выпускник, не проживший и полугодя на службе, вытянулся, но из гордости не стал признаваться, что окончил вовсе не школу инквизиторов. Просто кивнул и поспешил за директором, пробормотав:

— Но ведь для этого нужно убедиться, что атака действительно произошла изнутри...

— При нынешнем уровне изоляции центрального отделения враг физически не мог пробиться снаружи, — резко оборвала его Яркитога. — Даже если ошибёмся, потратим лишь заранее

приготовленный круг и материалы. А если нет — спасём весь город!

Даже в экстренной ситуации она не удержалась от того, чтобы вбить немного знаний в голову глупого юнца. Но уже в следующий миг поняла — приказывать сейчас быстрее.

Только вот приказывать было некому: выйдя в общий офис, они увидели, что все двадцать с лишним ритуалистов лежали без сознания, оплетённые лозами, и быстро их освободить не представлялось невозможным.

— ...Непростительно! — взорвалась Яркитога. — Неужели никто не догадался надеть противогаз?!

«Кто бы мог ожидать нападения прямо в центральном отделении?..» — хотел возразить Аллет, но не решился, а затем понял, что директор смотрит именно на него.

— А! Да! — он едва не споткнулся, вспоминая о поручении. — Зал запечатывающего ритуала вон там!

Он бросился вперёд. Зал находился всего через пару помещений от их отдела — логично, ведь в чрезвычайной ситуации туда требовалось попасть за секунды.

Аллет думал, что Яркитога действовала быстро, но кое-кто всё же оказался быстрее.

— Не может быть... Дядя?!

Перед дверью в зал стоял тот, кого должны были держать в тюрьме пятого сектора, — бывший директор Листчес Азари.

Старый лисолод не носил одежду, нижняя половина его тела срасталась с толстыми корнями лоз. Из облысевшей макушки прорастали ветви, увешанные свежей зелёной листвой.

При его движении листья тихо шуршали, будто вдалеке шумело море.

Услышав этот звук, и Яркитога, и Аллет ощутили головокружение. В следующую секунду Яркитога, прикусив язык до крови, с трудом пришла в себя и выдавила:

— Он... осквернён!

Да, бывший директор выглядел именно как тот, кого поглотила скверна — он превращался в демона.

«Но как?! Как он вырвался из тюрьмы пятого сектора, прошёл через весь путь до второго и не был уничтожен тысячей инквизиторов на каждом уровне?!» — Аллет не мог этого постичь.

Листчес медленно повернулся к ним лицом. И тогда они увидели — в его глазах не осталось зрачков.

Или, вернее, вместо них сияло два ослепительно белых шара...

От их блеска сознание погружалось в вязкий туман. Словно тяжёлое одеяло ложилось на их тела, вытесняя воздух и принуждая ко сну.

Аллет уже оседал на пол.

Яркитога, держась за стену, отчаянно пыталась не сомкнуть глаз. Она видела, как бывший директор протянул руку к её груди — к новенькому удостоверению.

«Он хочет использовать моё удостоверение, чтобы открыть ритуальный зал... — поняла она. — Дерьмо, я сама принесла ему ключ!»

Он собирался нарушить структуру защитного круга, сорвать ритуал запечатывания, не дать Инквизиции изолировать себя от города. Это была атака на весь Шпиневиль...

«Твою ж, кто мог...»

И тут сухие пальцы, почти коснувшиеся её удостоверения, вспыхнули ярко-жёлтым пламенем.

Метафорический обруч, стягивавший голову, треснул, и сознание прояснилось.

Послышались торопливые шаги — Яркитога обернулась и увидела на лестничной площадке фигуру, всю в крови.

Её ученик.

Тот, с кем она рассталась всего несколько часов назад — Линь.